

Моим первым читателям из чата-болотца.

Вы прекрасные!

*Спасибо, что шли со мной
сквозь топь и туман.*

ГЛАВА 1

Русалий день

У всего есть конец. И даже этот день, растянувшийся вялой мутной рекой, обязательно когда-то закончится.

Мавна доплетала венок: веточка пижмы, стебелёк полыни, невзрачный колосок мятлика. Пальцы уже стали зеленоватыми и липкими от травяного сока, венок пах горьким и свежим. Скрепив края травинкой, Мавна откусила длинный кончик стебля и уложила венок себе на колени.

Он вышел неказистым, тусклым, даже не мог ровно лежать: постоянно чуть заваливался набок. Сизо-зелёные стебли, будто покрытые пылью, небрежно сплетались, словно давно не чёсанные волосы, из украшений — только нераспустившиеся мелкие бутоны пижмы, бледно-жёлтые искорки в зелёной оправе. Мавна удовлетворённо вздохну-

ла. Она того и добивалась: сплести такой венок, чтобы привлекал как можно меньше взглядов.

Берег реки наполнился запахами: илистая прель, дым костров, доцветающая липа. И сладкие, принесённые из деревни ароматы выпечки, первого весеннего варенья и девичьих венков.

До заката было ещё далеко, но небо уже наливалось розовым и серо-лиловым, облака окрашивались в цвет спелых груш, и ветки прибрежных ив выделялись особенно чётко. Мавне показалось, что они похожи на кривые когти, тянущиеся к воде.

— Всё-таки ты не стала стараться? — разочарованно протянула Купава, склоняясь над Мавным венком. — Ну как знаешь.

Мавна вяло улыбнулась подруге и повела плечом, разглядывая свой некрасивый венок.

— Я же говорила. Никто не должен захотеть его поймать.

Купава попыталась надеть на голову Мавны свой венок, пышный и воздушный, похожий на кружево из лютиков и колокольчиков. Мавна осторожно увернулась.

— Не надо.

— Ты была бы красавицей, если бы надела его. Подойдёт к твоим каштановым волосам.

— К чёрным всё-таки лучше. — Мавна устало поджала губы, скрывая раздражение. — Я не хочу об этом, перестань, пожалуйста.

Купава хмыкнула и как ни в чём не бывало надела свой венок. Он и правда ей очень шёл: зо-

лотые лютики горели светлячками среди гладких тёмных волос, а колокольчики оттеняли синеву глаз.

Мавна поднялась на ноги и огляделась украдкой. На неё посматривали: кто с жалостью, кто с плохо скрываемой злостью, а иные оценивающие, с любопытством. Кругом шумели: кто пел, кто смеялся, кто просто громко разговаривал.

Русалий день всегда казался Мавне странным праздником. В этот день вспоминали заложных покойников, тех, кто умер не своей смертью. А вечером девушки пускали венки, чтобы парни, стоя ниже по течению, их ловили. По обычаю парень, поймавший венок, должен начать ухаживать за той девушкой, которая его сплела, но это условие уже давно не соблюдалось: самые глазастые запоминали, как выглядит венок их ненаглядной, и вылавливали именно его. Иногда за венки разгорались нешуточные сражения. Мавна помнила, как несколько лет назад один юноша даже захлебнулся в реке, и уже в следующий раз его поминали на Русалий день. Такой уж обычай: память о мёртвых смешивалась с радостью живых.

Но сегодня ей больше всего хотелось вернуться домой, уткнуться лицом в подушку и выть, вспоминая Раско...

Рука Купавы легла Мавне на плечо.

— Ты не обязана была приходиться. И ещё можешь уйти домой. Скажи, что плохо себя чувствуешь. Или что забыла вынуть из печи хлеб. Или... да мало ли причин?

Мавна обернулась на подругу и качнула головой.

— Нет. Останусь до конца. Не нужно, чтобы обо мне и о родителях шептались.

Она опустила ресницы, чувствуя, что щёки начинают краснеть от досады. И без того шепчутся. Уже год как шепчутся.

— Подумаешь! Пусть себе шипят. А как хлеба свежего захотят, так сразу к вашей лавке побегут. Ты в следующий раз так и скажи: будете волками смотреть — плюну в опару и не будет мне совестно! Прежняя Мавна так бы и поступила.

Последние слова Купава произнесла с отчётливой горечью. Мавна взяла её за руку и стиснула пальцы. Как жаль ей стало подругу. Как жаль, что она сама стала лишь тенью себя прежней. Когда-то весёлая, громкая, смешливая, полнотелая, а теперь — притихшая, осунувшаяся, с заметно впалыми щеками... Даже ходить стала крадучись, будто боялась, что лишний раз привлечёт чей-то взгляд.

— Прости меня. Я не хотела.

Купава усмехнулась:

— Никто бы на твоём месте не хотел. Ясно как день.

У самого большого костра затрубили в рог, запели свирели. Купава вытянула шею, с прищуром вглядываясь в даль, и потянула Мавну в ту сторону.

— Идём. Раз решила остаться, сделай вид, что тебе весело и ты ещё можешь плясать.

Купава будто хотела сказать что-то ещё, но осеклась и мотнула головой. Мавна поняла, что

могла бы добавить подруга: «Раско бы это понравилося».

Раско любил танцевать. И праздники тоже любил. А ещё больше музыку и сладости, которые приносили на любое торжество. Мавна зажмурилась до рези в глазах и позволила Купаве увлечь себя к костру.

* * *

Тогда, накануне Карачунова дня, все деревенские девки собрались в светёлке у старухи Малицы – гадать на женихов. Даже восьмилетние дочери духовника, которым ещё бы учиться да взростеть, прибежали и с тайнным восторгом забились в уголок, стреляя блестящими чёрными глазами: страсть как хотелось послушать про других, да и о своих суженых узнать.

В тот вечер Мавне было не до гаданий: всего шесть лун прошло с того дня, как пропал брат, и она сидела как тень, почти не шевелясь, прижавшись боком к боку Купавы. Но не прийти было нельзя, даже мать настаивала: иди и сиди вместе со всеми, покажи, что мы не поникли головами и живём так же, как вся деревня. Найдётся Раско, и мы встретим его горячими пирогами и свежим мёдом, примем в убранной избе и затопим баню, а для того нужно, чтоб день за днём проходили как прежде, в рутинных заботах.

Но нет-нет, да и мерещился тонкий голосок: «Ма-авна!», зовущий с болот, и Мавна вздрагивала, беспокорно озиравась по сторонам и с горечью понимала: нет Раско, давно уж нет, и это она недоглядела, а родителей так и не призналась.

Девки в светёлке загалдели, повскакивали с лавок и столпились вокруг Малицы. Все нарядные, румяные, косы до пояса, на шеях и ушах лучшие украшения из разноцветных глиняных бусин. Кунава потянула её за руку, Мавна вяло шевельнулась и поддалась, они пересели поближе, чтоб на них не шипели, но и в толпу лезть не стали.

Старуха поставила на стол ушат воды и подожгла свечу – настоящую, восковую, сберегла для девичьих гаданий. Да что там – после сегодняшнего вечера ей столько медяков дадут, что купит себе ещё дюжину свечей. Девушки зашумели пуще прежнего, повизгивая в предвкушении, затолкались.

– Так любопытно, – шепнула Кунава.

– Шу, курицы говорливые! – шикнула Малица и притворно спрятала свечу за спину. – Не успокойтесь – никому гадать не стану! Себе жениха напрофочу, а вам – шиш.

Старуха показала девушкам кукиш и беззубо улыбнулась. Шум поутих, сменился возбуждённым перешёптыванием. Почти все собравшиеся были младше Мавны – от восьми до семнадцати лет, и смотрели на старшую соседку с жалостью, от которой становилось тошно и горько во рту. Кунава была одного с ней возраста, но ей не доставалось сочувствующих взглядов, все и так знали, что красавица Кунава найдёт себе любого мужа, какого пожелает.

Мавна с тоской повернулась к окну: в тёмном проёме, расписанном морозными узорами, виднелись точечки-звёзды. Скорей бы всё закончилось. Вот бы Малица позвала её первую держать свечу, да не дадут

ведь, будут толкаться и пихаться, требовать, чтоб им первым погадали – а то ведь нужно ещё бежать петь по дворам и гулять с парнями, пока ночь не опустилась. А Мавне на что? Мавна не торопится, всегда сидит, будто варёная. Ей с парнями не гулять, ей домой нужно, чтоб грустить и молчать, как привыкла.

– Ну, ласточки? – Малица обвела глазами девок, наслаждаясь тем, как они млеют и быстро дышат от нетерпения. – Кто первой будет?

Она нарочно томила, тянула, пока не указала смуглым сморщенным пальцем на чернокошую красавицу Тану. Никто не стал спорить: Тану в деревне уважали за её красоту, за богатство отца-купца, за крутой нрав. И так всем было ясно, выйдет она замуж за Касека, с которым гуляет уже второй год, потому что Касек высоченный, широкоплечий, весь в коричневых веснушках, а отец у него – умелый бортник, который устраивал такие глубокие дупла, что внутри уместился бы пятилетний ребёнок.

Тана нетерпеливо выхватила свечу из рук Малицы. Огонёк дрогнул, но не погас. Тана наклонила свечу над ушатом, и воск закапал в воду. Девки ахнули, вытянули шеи, всматриваясь: похожа фигурка на Касека? Или хотя бы на пчелу? Но только Малица умела читать по восковым каплям, съезживающимся на воде.

– Говори, – тихо потребовала Тана.

Старуха склонилась над ушатом, едва не окуная в него носом. В светёлке стало неестественно тихо, только иногда шурились платья и срывался вздох у какой-нибудь особенно нетерпеливой девушки.

Мавна не знала, сколько времени прошло. Ей было скучно, даже тоскливо, и мгновения казались непомерно растянутыми. Наконец Малица вскинула голову и произнесла:

– За богатого выйдешь. И красивого.

Тана вздёрнула нос и села на место, свысока глядя на подружек. Они загалдели, стали лгнуть к ней, будто бы впервые слышали такое предсказание и невероятно обрадовались. Мавна не удержалась от вздоха.

– Давай ты теперь.

Малица поманила Кунаву. Та чмокнула Мавну в висок, разъединила их сплетённые пальцы и осторожно, почти ласково взяла свечку. Капнула.

Наклонившись над водой, Малица снова стала всматриваться в комок воска. Катала ушат и так, и так, пока не подняла голову на Кунаву.

– Вижу красивого мужа. Скоро. Будете сидеть под чёрным деревом, и ветки у него будут доставать до земли.

Кунава повела плечами, и даже у Мавны пробежал по спине холодок.

– Какая-то глупость. – Кунава смешливо сморщила нос, снова садясь рядом. – Не собираюсь я скоро замуж. Не за кого мне.

Мавна хотела напомнить, как Кунава вздыхает по её брату Илару, весьма красивому, между прочим, но не успела.

– Ты следующая, подходи.

Два десятка пар глаз повернулись к Мавне. Она и не поняла, что Малица подзывает именно её.

От взглядов – снова чужих и сочувствующих – в груди набухла тяжесть. Мавна встала, оправила платье и безучастно взяла свечу из протянутой руки.

Ей было всё равно, кого ей напросят. Всё равно, будет он бедняком или богачом, хромым или ловким, старым или молодым. Всё равно, если ей вообще не видать замужества. Какая из неё получится жена – вечно тоскующая и будто замёрзшая? Что за жена, вскакивающая на кровати в холодном поту из-за того, что вновь приснился крик брата?

Воск потёк по пальцам, горячий, но не обжигающий. Закапал медовыми каплями в воду, скорчился и застыл на поверхности. Девушки снова приподнялись, заглядывая в ушат: про Мавну-то интересней было узнать, чем про Тану, с той и так всё ясно.

– Ши! – Малица пригрозила девкам и сама склонилась над водой. – Не галдите, сорочата.

Вновь потянулись мгновения, тягостные, тяжёлые. Мавна переступила с ноги на ногу: отпустила бы уж домой, лечь бы в постель и забыться гнетущим чёрным сном...

– А твой... – протянула с сомнением Малица после минуты молчания. – Будет твой...

– Рыбаком? – почему-то пискнула одна из младших девочек, и на неё зашипели, чтоб молчала.

– Не-а, – отрезала Малица и подняла на Мавну влажный, полный тревоги взгляд. Она помолчала ещё немного, заглядывая в лицо Мавны, будто силилась разглядеть в ней что-то неведомое. Наконец, шмыгнув носом, Малица тяжело изрекла: – Твой будет утопленником.